

Орасио Таркус¹
Horacio Tarcus

Аргентинцы в Стране Советов

Argentinians in the Soviets Country

Аннотация: Российская революция 1917 г. произвела большое впечатление на Аргентину. Эта молодая страна, населенная европейскими иммигрантами, прибывшими туда несколькими десятилетиями ранее, очень рано увидела боевое организованное рабочее движение, лидерство в котором оспаривали анархисты, социалисты и революционные синдикалисты. Русские события с большим вниманием отслеживались национальной прессой, профсоюзными и партийными газетами, а также печатью многочисленной русско-еврейской общины. В страну прибывали книги о революции из Мадрида, Барселоны, Монтевидео и печатались в Буэнос-Айресе, они расхватывались публикой жаждущей новостей из большевистской России. Анархисты, синдикалисты, левые социалисты и едва появившиеся коммунисты, лидеры русской общины в Аргентине уже в 1920 г. послали своих представителей в Москву. Они хотели собственными глазами увидеть новую реальность в России и быть представленными там, получить мандат о представительстве этого эксперимента в своей стране. Данная работы анализирует первые издания о путешествиях в Россию, в первые 15 лет после революции, начиная с поездки Комина-Александровского в августе 1920 г. и заканчивая Анибалем Понсе в декабре 1934 г.

Ключевые слова: Российская революция 1917 г., Аргентина, аргентинское рабочее движение, анархизм, синдикализм, коммунизм, книги путешествий

---

¹ Орасио Таркус – директор Cedinci Университета Сан-Мартин, Буэнос-Айрес, Horacio Tarcus – Cedinci San Martin University, Buenos Aires, Argentina. E-mail: tarcushoracio@gmail.com

Abstract: The Russian Revolution of 1917 had a strong impact on distant Argentina. Argentina, populated in previous decades with European migrants, had an organized and combative labor movement very early. Its leadership was disputed by the anarchists, the socialists and the revolutionary syndicalist. The Russian events were followed with great expectation by the great national newspapers, by the trade union press, by the newspapers of the different political currents and by the organs of the populous Russian-Jewish community. The pamphlets that came from Madrid, Barcelona or Montevideo, and were published in Buenos Aires, to that avid public reader the novelties of the Bolshevik doctrine. However, that reception of news and doctrines was insufficient. The anarchists, the trade unionists, the left socialists, the emerging communists, the leaders of the Russian community in Argentina sent their delegates to Moscow early, since 1920. The delegates, in competition with each other, had to represent their Argentine counterparts; they had to see, check the new social system, and return with reports and mandates; they were going to convince of the weight of their representation and their adhesion, and also to be convinced of the depth of the transformation in Russian. The present study analyzes the first travel stories of these delegates that were deployed in a span of fifteen years, from the arrival of Komin-Alexandrovsky to Moscow in August 1920 to that of Aníbal Ponce in December 1934.

Key words: Russian revolution of the 1917, Argentina, labor movement, anarchism, syndicalism, communism, travels books

---

Новость об Октябрьской революции облетела мир со скоростью телеграфного сообщения, повсюду вызвав прилив энтузиазма и надежды как раз тогда, когда, казалось, что пророчества об упадке Запада принимают реальные очертания в ходе всемирной бойни Первой мировой войны. И тут русский «Восток» предложил миру новый, альтернативный порядок вещей. Революция перестала быть предсказанием анархистов, социалистов и синдикалистов, делом далекого будущего, а стала реальным событием здесь и сейчас, хотя лучше сказать там и сейчас, но главное – реальностью. Правда, далеко от Аргентины, но в стране такой же, если не более, периферии, где аграрный капитализм оказался неспособным вывести страну из отсталости. XIX век была временем утопий и пророков. Новый век, начало которому было положено в 1917 г., оставил в прошлом романтические мечтания, разорванные в клочья мировой драмой войны. Начиналось время революции, которая осуществит все пророчества прошлого. XX век

стал веком почитания реальности².

Новости, свидетельства, фотографии, литература, кино из новой России создавало мощный образ, доминировавший весь XX в. Русский Октябрь заменил французский 1789 г. как символ революции. Если 1789 г. был парадигмой буржуазной революции, 1917 г. – пролетарской, хотя в действительности русский революционный процесс сочетал пролетарскую революцию в городах и крестьянскую революцию, но последняя в парадигматической конструкции была всегда поглощена первой. Последующие революции XX в. рассматривались с точки зрения русской модели. Китайская революция 1949 г., свершённая крестьянской армией, также была поглощена идеей русской революции и была названа «пролетарской», так как меньшее значение имел сам социальный субъект революции, нежели её «пролетарская коммунистическая программа», которой руководствовалась эта революция.

Российская революция ввела в оборот целый мир новых понятий, новый язык, в котором такие слова как меньшевик, советы, большевики, наркомы, совнарком, Красная армия, белые, двоевластие, самоопределение народов, революционное пораженчество, империализм стали понятны не только русским. До Китайской в 1949 г. или Кубинской революции десятью годами позже образы революции были связаны с русской революцией. Правые и левые постоянно искали в Латинской Америке местных Керенских, Мартовых, Лениных и Корниловых.

Октябрьская революция обращалась к рабочим всех стран, к крестьянам и студентам, женщинам объединяться в профсоюзы, партии и прочее. Для нового читателя народной культуры предлагались новые массовые газеты, дешёвые книги и брошюры. Народные издания позволили приобретать не только книги-знания за небольшие деньги, но и приобщиться к новой политической теории, новой революции, узнать о новых порядках в советской семье, о новом образовании, пролетарской литературе и искусстве, о новых достижениях советской науки и техники, а главное об опыте «любви к свободе»³. Революция несла разрушение: старая аристократия была изгнана, царская семья казнена, все это насилие было представлено как условие для установления нового общественного строя, который освободит не только ра-

---

² Badiou, 2006. P. 25.

³ Gomilievsky, s.f.

бочих и крестьян от капиталистического и помещичьего гнета, но и создаст новый культурный порядок и даже новый подход к половым отношениям.

Удивительно, что в книжных магазинах и киосках было множество советских брошюр местных или испанских издательств в начале 20-х. Тем не менее, жажда знаний о том, что происходило в стране советов, о самой революции, о пути развития, не была удовлетворена. В среде социалистов, анархистов и синдикалистов не могли считать достаточной информацию буржуазных газет и прибывавших с большим опозданием книг мадридских изданий. Иностраные газеты, итальянские и французские, также не могли полностью насытить жажду новостей. Нужно было самим попасть в центр событий в России, преодолев трудности долгого и дорогого путешествия, предоставив публике информацию из первых рук. Было необходимо лично увидеть людей, строивший новый мир и создававших новый Интернационал, установить прочные связи с ними, получить от них поддержку в своей борьбе и продемонстрировать солидарность с пролетариатом и молодежью русских братьев.

События Октября 1917 г. были полной неожиданностью для ослабленных и разделенных левых сил во всем мире, ещё не переживших крах Социалистического Интернационала в 1914 г. События в Европе спровоцировали раскол в Соцпартии Аргентины, в которой англофильское руководство, приветствовавшее Февральскую революцию, было объектом критики левого крыла партии, которое придерживалось позиции нейтралитета в европейской войне, а потом приветствовавшие триумф «максималистов» в Октябре. Даже до создания Коминтерна аргентинские диссиденты в партии под руководством Хосе Ф. Пенелона создали в январе 1918 г. Интернациональную социалистическую партию⁴. Раскол не привел к объединению в новой партии всех недовольных социалистов, прежде всего молодежи, так называемых «terceristas», то есть тех, кто защищал вступление Соцпартии в III Интернационал⁵.

Будущая Компартия Аргентины (она стала так называться с апреля 1920 г.) состояла в основном из группы рабочих, шедших за Пенело-

---

⁴ «Historia del socialismo marxista en la República Argentina. Origen del Partido Socialista Internacional (Informe dirigido a la Internacional Socialista y a todos los partidos socialistas)», Buenos Aires, Partido Socialista Internacional, 1919.

⁵ Corbière, 1984.

ном, и сильной ячейки руководителей соцпартии, объединенных в Комитет профсоюзной пропаганды. Большая часть рабочего движения с начала века ориентировалась на Региональную рабочую федерацию Аргентины (ФОРА). Часть этой федерации после раскола 1915 г. стала называться ФОРА–V съезда, оставшейся верной традиционным анархо-коммунистическим постулатам⁶. ФОРА–IX съезда (затем названная X съезда), контролируемая революционным синдикализмом, защищала автономию профсоюзов в отношении политических партий. В начале 1920-х г. ФОРА–V съезда объединяла в своих рядах 25 тыс. членов, а ФОРА–IX, в которую входили коммунисты и социалисты – 62 тыс. Когда в 1922 г. в неё вошли несколько автономных профсоюзов, была образован Аргентинский профессиональный союз (USA), но забастовочное движение пережило ряд сильных ударов, и её ряды сократились до 32 тыс. членов⁷.

Октябрьская революция оказала огромное влияние на политико-профсоюзную панораму. Без сомнения, это не было причиной «красного трехлетия» в Аргентине в 1919–1921 гг., ставившие Аргентину в один ряд с «красными» годами в Германии, Венгрии, Италии и Испании. Как писал Андреас Дусвейк, события тех лет, такие как «Трагическая неделя» или забастовки в Патагонии не могут быть поняты вне международного контекста. Дусвейк описал процесс проникновения в аргентинское забастовочное движение советского коллективного вообразимого, воспринятого не только революционными синдикалистами ФОРА–IX (и её преемниками из USA), но также и анархо-коммунистами (анархо-большевиками) ФОРА–V, и даже ортодоксальными анархистами⁸.

Неважно, что к 1921 г. в России рабочие, крестьянские и солдатские депутаты уже перестали эффективно работать, утратив реальную власть, уступив её компартии, ставшей государственной⁹. Ленин провозгласил в апреле 1917 г. «Вся власть советам», написал теоретическую работу «Государство и революция» о корпоративном революционном порядке, без государства, без партий¹⁰, и новая революционная

---

⁶ Иногда её называют ФОРА-Коммунистическая (анархистская). После появления компартии анархисты оказались лишенными своего самоназвания.

⁷ Doeswijck, 2013. P. 24.

⁸ Ibid.

⁹ Anweiler, 1975; Brinton, 1972.

¹⁰ Tarcus, 2008. P. 37-56.

Конституция осветила «советскую власть» сверху донизу. Крупные отряды анархистов и синдикалистов погрузились в изучение советского процесса, видя в нем торжество власти профсоюзных советов. Они не отказывались от своих либертарных и синдикалистских доктрин: они искренне верили в то, что максималисты реально будут осуществлять свою программу¹¹.

Марксисты из Интернациональной социалистической партии не обладали, по крайней мере в первые годы, монополией на приверженность советской революции. Они не сразу были признаны Коминтерном как полноправная секция. Они должны были делить приверженность русской революции с социалистами-терсеристами, синдикалистами-большевиками, анархо-большевиками, но и с русскими иммигрантскими рабочими организациями в Аргентине.

Социалисты русско-еврейского происхождения создали в 1907 г. Социал-демократическую еврейскую организацию Авангард, которая издавала на идише газету «Ди Авангард» (1907–1919). Они следовали русским образцам, где действовал еврейский Бунд. Они вслед за расколом в РСДРП раскололись на бундовцев и искровцев¹². Искровцы создали в марте 1908 г. Русский кружок, признанный соцпартией под именем Центр Авагард. Издавали газету «Ди штиме фюр Авангард» (1908–1910), а затем журнал «Голос Авангарда» на русском языке. Поддерживали связь с русскими социал-демократами в Париже. Они участвовали в Комитете помощи ссыльнокаторжным (1916), а через год эта группа стала называться Комитет помощи рабочим, солдатским и крестьянским депутатам, затем переименованная в Рабочий социалистический союз и Русскую коммунистическую группу (GSR). Первые известия об Октябрьской революции, которая обещала покончить с антисемитизмом царской империи, и даже возвела на высшие должности евреев Троцкого, Зиновьева, Каменева и других, были восприняты с большой надеждой еврейско-русской общиной в Аргентине¹³.

Не случайно, что русские радикальные социал-демократы в Аргентине были первыми, кто оправился в Страну Советов, пользуясь старыми связями и знанием языка. Первым из Аргентины туда поехал Махор (Михаил) Машевич, живший в Буэнос-Айресе с 1902 г. Он представлял как Русскую коммунистическую группу, так и синдика-

---

¹¹ См. Bourdieu, 1999.

¹² Laubstein, 1998.

¹³ См. Казаков, 2016. С. 277–280.

листов ФОРА IX–X. Он направился туда для участия во Втором конгрессе Коминтерна. Почти одновременно с этим туда был делегирован от Русской рабочей южноамериканской федерации (FORSA) Михаил Комин-Александровский (1884-1968), рабочий-механик, бежавший в Аргентину после революции 1905 г. Он состоял как в группе Авангард, так и в комитетах поддержки революции. Он был одним из основателей FORSA и директором газеты «Голос Труда». Его пригласили Российские профсоюзы для участия во Втором конгрессе Коминтерна. Вместе с семьей он поехал в Москву в 1920 г. Четыре месяца длилась его поездка через Александрию, Константинополь, Батуми, Тбилиси, Баку и Астрахань, потом по Волге до его родного города Нижнего Новгорода. Как он свидетельствовал, приехал в Москву, когда конгресс Коминтерна уже завершился.

В российской столице Александровский встретился с Машевичем, который прибыл туда за несколько дней до того и также не смог принять участия в конгрессе Коминтерна. Оба делегата представили свои доклады ИККИ, провели ряд встречи и получили указания перед возвращением в Аргентину. Машевич прибыл в Буэнос-Айрес в марте 1921 г. со значительной суммой денег (1800 фунтов стерлингов) и коллекцией брошюр Коминтерна. Пока они были в отъезде Русская коммунистическая группа вошла в компартию, которая потребовала от нее экономического вклада в новую партию¹⁴. Однако возникли конфликты, когда в Буэнос-Айрес в июле вернулся Комин-Александровский в качестве представителя Коминтерна и Профинтерна в Аргентине и других странах Южной Америки, привезя с собой из Москвы 5 тысяч фунтов стерлингов¹⁵. Кроме того в этот момент с декабря 1920 г. в Буэнос-Айресе находился третий эмиссар Интернационала аргентинец немецкого происхождения Беатус Луисиус, направленный туда Г. Зиновьевым. В эти годы споры и несогласия, как и интриги между руководством компартии и тремя эмиссарами, которые оспаривали монополию на законное представительство Интернационала в Аргентине, были неизбежны.

Беатус (Феликс Вейль), в будущем аргентинский адепт Франкфуртской школы, не советовал председателю ИККИ давать полномочия Интернационала этим «товарищам», которые считали себя «аргентинскими Ленинами», и рекомендовал выразить полную поддерж-

---

¹⁴ Jeifets L.S., Jeifets V.L., 2013. P. 50.

¹⁵ Primeros viajes, 2017. P. 24.

ку местной молодой компартии под руководством Пенелона¹⁶. Машевич, с одной стороны, Александровский, с другой, оба рабочие и профсоюзные деятели, считали, что Профинтерн не должен был ограничивать свою деятельность небольшими отрядами рабочего класса, которые контролировались компартией, а воспользоваться симпатиями к русской революции со стороны массовых ФОРА–V (анархо-большевиков) и ФОРА–IX (синдикалисты большевики). Хотя верно и то, что к 1921 г. идиллия анархистов и русской революции завершилась после уничтожения на Украине движения Махно и подавления восстания в Кронштадте¹⁷. Так произошло с синдикалистом (сторонником IWW) Томом Баркером. Он работал в порту Буэнос-Айреса, защищая в ФОРА–V позиции поддержки советов перед лицом критики ортодоксальных анархистов, которые обвиняли большевиков в диктатуре партии над пролетариатом. Анархо-большевистская ФОРА–V и уругвайский аналог ФОРУ направили Баркера делегатом I конгресса Профинтерна в Москву в июле 1921 г. В Москве он защищал принцип независимости профсоюзов в отношении партии и Коминтерна¹⁸.

Баркер настаивал на автономии профсоюзов, соглашаясь признавать размах преобразований в России, часть из которых была включена в программу революционного синдикализма: «Экспроприация буржуазии и социализация жилья и земли». Баркер в Аргентине был связан с Гарсией Томасом и анархо-большевиками, которые издавали газету «El Trabajo» в Буэнос-Айресе. Эта газета и «La Montaña» (газета ленинистов) защищали поведение Баркера в Москве, которое критиковалось чистыми анархистами газеты «La Protesta»¹⁹.

Первым из коммунистических руководителей, посетивших Страну Советов, был Родольфо Гиольди. Сначала он проехал по Италии и прибыл в СССР 29 мая 1921 г. в компании с Машевичем, у которого были средства на два билета из Аргентины. Они посетили Третий конгресс Коминтерна, II конгресс КИМа, II Международную конференцию женщин и II конгресс Профинтерна, на котором встретились с Баркером. Гиольди лично познакомился с Лениным, Троцким, Зино-

---

¹⁶ Rapoport, 2014. P. 182.

¹⁷ Stepniak, 1945; Lehning, 1974; Volin, 1954; Avrich, 1973.

¹⁸ Primeros viajeros, 2017. P. 75–81.

¹⁹ “El último congreso de la Sindical Roja” // La Montaña, Buenos Aires, 7 y 8 de julio de 1922.

вьевым, Бухариными, Кларой Цеткин, Виктором Сержем и другими лидерами Интернационала. Гиольди должен был участвовать в заседаниях III Конгресса Коминтерна, но без права голосования, так как компартия Аргентины ещё не была принята как полноправная секция²⁰.

В начале 1922 г., когда был созван IV Конгресс Коминтерна, аргентинские коммунисты пережили раскол в руководстве по вопросу о едином фронте с социалистами. Аргентинские коммунисты направили на IV конгресс четырёх делегатов рабочих: Хосе Ф. Пенелон и Хуан Греко поехали от имени официальной партии, а Косме Гхивохе и Педро Преса – от «фронтальной» фракции²¹. Пенелон оставил свои записки от этого путешествия. Он описал речь больного Ленина в Кремле в ноябре 1922 г. перед делегатами конгресса. А когда он прибыл на V конгресс он описал траурное чествование Ленина после его смерти на том же заводе, где Фанни Каплан стреляла в него.

На V конгрессе вместе с Пенелоном присутствовал рабочий из Кордобы Мигель Контрерас. В своих воспоминаниях, продиктованных в 1978 г., Контрерас отмечал некоторые проблемы той делегации, о чем никогда не говорилось в официальной истории партии²². Само имя Пенелона было исключено из истории партии. Среди большевистских руководителей на первый план выходит Сталин. Для сравнения стоит посмотреть на впечатления от поездки Контрераса, опубликованные ещё тогда, в 1924 г. Там он описывает выступление Троцкого перед московскими комсомольцами. Уже тогда Троцкий находился в конфликте со Сталиным, Зиновьевым и Каменевым, но несмотря на это воспринимался как законный революционный наследник Ленина²³.

Аргентинские синдикалисты до конца 20-х годов продолжали политику сотрудничества с Профинтерном. Речь идет о Группе профсоюзной пропаганды, позднее переименованной в Федерацию профсоюзных групп, издававших в начале 20-х годов газету «La Batalla Sindicalista». Именно эта федерация отправила рабочего типографа Аугу-

---

²⁰ Tarcus, 2007. P. 251-56.

²¹ Carta al CE de la Internacional Comunista de la delegación extraoficial del Partido Comunista, 22 de octubre de 1922, – Archivo de la Internacional Comunista, Moscú (РГАСПИ). Копии документов в CeDInCI.

²² Primeros viajeros, 2017. P. 109-111.

²³ Ibid.

сто Пеллегрини на II Конгресс Профинтерна, причем в четкими указаниями выявить положение с арестованными в России анархистами, рассмотреть спад активности советов, влияние диктатуры пролетариата на свободу прессы, сохранение буржуазии²⁴.

Пеллегрини выехал из Буэнос-Айреса 26 октября 1922 г. и прибыл в Гамбург 23 ноября. Там он встретился со своим товарищем-синдикалистом, жившем в этом городе. По дороге в советское консульство оба друга зашли в коммунистический книжный магазин, где обнаружили русскую прессу, брошюры, календари, тысячи книг. Несмотря на то, что у него не было времени, стоило большого труда вытащить его из этого магазина: «Смотрите какое количество книг, и какие они дешевые, а у нас нет ничего...»²⁵. Пеллегрини доехал до Киля и оттуда – в Петроград, а потом приехал в Москву, когда конгресс Профинтерна уже закончился. Таким образом, он смог только посетить фабрики, профсоюзы, школы, университеты, отправляя письма в Буэнос-Айрес, которые были опубликованы в «La Batalla Sindicalista»²⁶. Он также оказался под воздействием восторга, которым отличались многие путешественники в страну Советов, и так не смог найти ответ на те вопросы, с которыми его отправляли в Россию его товарищи. Однако, он не мог не отметить драму Кронштадта, но так и не дал ответа, было ли правильным подавление восстания, и было ли оно необходимым. В отличие от делегатов-коммунистов, Пенелона и Греко, Пеллегрини не получил пропуск для прогулки по Кремлю, что вызвало насмешки в его адрес со стороны официальных приглашенных-коммунистов. Все это вызвало язвительные насмешки в его адрес в Аргентине со стороны анархистов на страницах газеты «La Protesta»²⁷.

Пять лет спустя синдикалисты отправили в СССР делегацию на празднование десятилетия революции. ЦК УСА отправила рабочих Абрама Резника, Атилио Бионди, Мартина С. Гарсию для участия в

---

²⁴ Partida de nuestro delegado a Rusia. Estudiará las instituciones surgidas de la revolución // La Batalla Sindicalista, Buenos Aires, noviembre de 1922. Цит. по Doeswijk, 2013. P. 233-234.

²⁵ Pelález F. Augusto Pellegrini en Alemania // La Batalla Sindicalista. Periódico Quincenario Editado por la Federación Sindicalista, año II, no 16, Buenos Aires, 16 de febrero de 1923. P. 2.

²⁶ Primeros viajeros, 2017. P. 97-104.

²⁷ Doeswijk, 2013. P. 234-235.

праздновании и в качестве гостей всероссийского съезда профсоюзов. По возвращении в Аргентину они описали свои впечатления²⁸. В конце своего путешествия они подготовили объемный отчет о поездке в Москву, Ленинград, Ростов. Они информировали своих аргентинских товарищей о колоссальных достижениях в промышленности, технике, здравоохранении, образовании, кооперативном движении и даже об уголовных новшествах (о перевоспитании проституток). Они присутствовали на нескольких заседаниях XV съезда партии, на котором была исключена из партии оппозиция Троцкого, Зиновьева, Каменева, но синдикалисты не считали политику своей задачей, потому полностью проигнорировали этот ключевой исторический для победы сталинистов этап²⁹.

Самые интересные впечатления оставил рабочий печатник, говоривший по-русски, Резник о новейших достижениях советского театра. Он побывал на спектаклях МХАТа, Театра Мейерхоolda, видел постановки Пролеткульта в Большом театре. Свои художественные впечатления он выразил в отдельной книге³⁰.

Ещё через два года в СССР прибыл Хосе Видаль Мата, анархист и организатор сельского движения, один из видных представителей анархо-большевиков. Видаль Мата был «душой» Союза сельских рабочих (УТА), сыгравший значительную роль в забастовочном движении на юге Аргентины в период «красного трехлетия» (1919–1921), объединяя фермеров вокруг идей национализации земли³¹. Как руководитель УТА, он входил в Федеральный комитет анархо-коммунистической ФОРА в 1919 г., но после жесткой критики со стороны «La Protesta» и «La Antorcha» как «анархо-диктаторов» он и другие анархо-большевики были исключены анархистами ортодоксами в августе 1921 г. «Анархо-большевики» вошли вместе с так называемыми автономными профсоюзами в то, что стало ФОРА–Х, то есть

---

²⁸ Resnik A., García M. S., Biondi A. Palabras previas // Bandera Proletaria. Órgano de la Unión Sindical Argentina, año VII, no 394, Buenos Aires, 2 de febrero de 1928, 3. 4.

²⁹ Resnik A., García M. S., Biondi A. Informe de la delegación de la USA a Rusia. Observaciones generales sobre la situación a diez años de la Revolución// Bandera Proletaria. Órgano de la Unión Sindical Argentina, año VII, desde el no 394 (2 de febrero de 1928, p. 4) hasta el 402 (30 de marzo de 1929, p. 4).

³⁰ Primeros viajeros, 2017. P. 116–133.

³¹ Doeswijk, 2013. P. 29.

синдикалистскую, а затем были преобразованы в УСА в марте 1922 г. Параллельно это направление в январе 1923 г. создали *Alianza Libertaria Argentina (ALA)*, издававшую газету «*El Libertario*». Эта была анархо-большевистская организация, которая собственно и послала Видаля Мата в СССР. Они же и издали его обширный отчет о поездке с многочисленными фотографиями под названием «Правда о России».

Книга Видаля Мата описывает жизнь рабочих и достижения социализма в СССР, дает краткий исторический очерк российской истории. В ней много статистических данных, фото, отрывков документов. Он старался избежать обвинений в субъективизме, поэтому прибегал к сухим данным. Он приводит свои беседы с простыми людьми, с колхозниками и с советскими лидерами, например, с Лозовским. Это большая книга в 300 страниц, в которой главный тезис сводился к идее: советская революция осуществляет анархистский идеал, хотя и подавив своих «плохих» анархистов, оказавшихся неспособными понять суть этой революции.

С другой стороны, 13 июня 1931 г. писатель Элиас Кастельнуово, врач Лелио О. Сено, немецкий биолог Георг Николаи оправались в Европу. Их провожали писательница анархистка Эрминия Брумана, коммунист-интеллектуал Анибаль Понсе и писатель Роберто Артль. В конце года эти представители литературно-художественной группы Боздо прибыли в Ленинград. Там среди прочих интеллигентов познакомилась с Виктором Сержем (Кибальчичем), который прекрасно говорил по-испански. Они все были похожи на Сержа своим анархистским прошлым, писательским стилем «реализма», путем к коммунизму через Русскую революцию. И тем не менее, Кастельнуово в двухтомном труде об этом путешествии в СССР ни разу не упоминает о Викторе Серже³².

Бывший анархист Кастельнуово был среди страстных поклонников советского опыта и через него пришел в аргентинскую компартию. Тем не менее, его заметки о поездке в СССР не понравились аргентинским коммунистам, несмотря на его усилия представить как эпическую панораму строительство там социализма, в которой не было

---

³² Castelnovo, 1932; Rusia Soviética, 1933. О встречах Сержа и Кастельнуово см. Tarcus, 2000. P. 60-65.

места для внутренних противоречий и конфликтов³³. Убежденный антиинтеллигент и популист Кастельнуово считал главными врагами советского опыта интеллигентов, которые давали ему оценку, исходя из своих взглядов, как например, книги об СССР румынского писателя Панаита Истрати или Жида, осудивших ужасы сталинистской диктатуры³⁴. Кастельнуово признавал достоинства литературы Истрати, но считал «интеллектуальным цинизмом» его яростную критику большевистского режима.

Кастельнуово никогда не разочаровался в СССР (он умер в 1982 г.), всегда нападал на его критиков, считая ограниченными и глупыми, но признавал проблемы в строительстве социализма. Он даже согласился написать пролог к аргентинскому изданию книги Виктора Сержа «Жизнь и смерть Троцкого» в 1954 г.³⁵ В своих воспоминаниях, опубликованных в 1974 г., Кастельнуово упоминает свои встречи с Виктором Сержем, признавая ценность его работ, которые помогли ему лучше понять советскую действительность: «Через рассказы Виктора Сержа постепенно стали более ясными все катастрофы, произошедшие в русском народом до и после Октябрьской революции»³⁶. В этих мемуарах Кастельнуово раскрыл причину, почему он не упомянул о встрече с ним в своей первой книге о поездке в СССР: в гостинице его посетил важный военный чиновник и прямо заявил, чтобы тот держался подальше от Сержа, так как тот входил в партийную оппозицию³⁷.

Яркий просоветский интеллектуал Анибаль Понсе после поездки в СССР в 1935 г. прочитал об этом большую лекцию под само собой говорящим названием «От буржуазного к пролетарскому гуманизму». В феврале 1936 г. он написал книгу, составленную из 6 лекций, опубликованные в Мехико уже после его смерти в 1938 г. и в Буэнос-Айресе в 1939 г.³⁸ Когда Понсе начинал свой курс лекций, он обладал высоким авторитетом среди либеральной интеллигенции. К 1935 г. многие

---

³³ См. яростную полемику Родольфо Гиольди с Кастельнуово и Роберто Артлем на страницах коммунистической газеты «Bandera Roja». Об этом см.: Aricó, 1986. P. 22–26; Saïtta, 2008. P. 99–113.

³⁴ Istrati, 1930.

³⁵ Serge, 1954

³⁶ Castelnovo, 1974. P. 165–166

³⁷ Primeros viajeros, 2017. P. 154.

³⁸ Ponce, 1938; De Erasmo a Romain Rolland, 1939.

либеральные интеллигенты под влиянием Русской революции и Университетской реформы эволюционировали влево в поисках защиты гуманистических либеральных и демократических традиций, что особенно было актуальным в виду наступления фашизма, а СССР уверенно шел по пути строительства социализма.

Последняя лекция, полная лиризма, посвящена СССР как родине Нового человека. Если при капитализме, говорил Понсе, человек человеку волк, то при социализме окончательно торжествует общность людей, а техника и культура служат для освобождения человека, чего не смог сделать капитализм. При социализме человек впервые стал сам себе хозяин и создатель своей судьбы. Его воспоминания о поездке в СССР полны восторга и энтузиазма. Как писал Оскар Теран, «ни политическая приверженность Русской революции, ни убеждение, что кризис буржуазного общества и революционный характер рабочего класса, ни признание ведущей роли марксизма, не могли стереть в Понсе либерала-позитивиста»³⁹. Понсе был свидетелем великой чистки и репрессий сталинского режима, ибо прибыл в СССР в декабре 1934 г. сразу после убийства Кирова. Но они не смогли затемнить убеждение Понсе, что со временем эти эксцессы будут преодолены, и историческая правда на стороне советского режима.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Казаков В.П.* Российские рабочие организации в Аргентине и Коминтерн, 1917–1922 гг. // *Латиноамериканский исторический альманах*. № 17. 2016.
- Anweiler O.* Los soviets en Rusia. 1905-1921. Buenos Aires: Zero, 1975.
- Aricó J.* La polémica Arlt-Ghioldi. Arlt y los comunistas // *La Ciudad Futura*, no 3, diciembre de 1986.
- Avrich P.* Kronstadt 1921. Buenos Aires: Proyección, 1973.
- Badiou A.* El siglo. Buenos Aires: Manantial, 2006.
- Bourdieu P.* Las condiciones sociales de la circulación internacional de las ideas. // *Intelectuales, política y poder*. Buenos Aires: Eudeba, 1999.
- Brinton M.* Los bolcheviques y el control obrero. 1917–1921. El Estado y la contrarrevolución, [Francia], Ruedo Ibérico, 1972.
- Castelnuovo E.* Memorias. Buenos Aires: Ediciones Culturales Argentinas, 1974.
- Castelnuovo E.* Yo ví... en Rusia. Buenos Aires: Actualidad, 1932.

---

³⁹ Terán, 1983. P. 26.

- Corbière E.J.* Orígenes del comunismo argentino. Buenos Aires: CEAL, 1984.
- Doeswijck A.* Los anarco-bolcheviques rioplatenses. Buenos Aires: CeDInCI editores, 2013.
- Gomilievsky L.* El amor en libertad. Buenos Aires: Victoria, s.f.
- Istrati P.* Rusia al desnudo. Madrid: Cénit, 1930.
- Jeifets L.S., Jeifets V.L.* El Partido Comunista de Argentina y la III Internacional. La Misión Williams y los orígenes del penelonismo, México: Nostromo Ediciones / Instituto de Latinoamérica (San Petersburgo), 2013.
- Laubstein I.* Bund. Historia del movimiento obrero judío. Buenos Aires: Acervo Cultural, 1998.
- Lehning A.* Marxismo y anarquismo en la Revolución Rusa. Buenos Aires: Proyección, 1974.
- Ponce A.* Humanismo burgués y humanismo proletario. De Erasmo a Romain Rolland. México: Editorial América, 1938.
- Primeros viajeros al país de los soviets. Crónicas porteñas 1920-1934. Buenos Aires: Dirección General del Libro, 2017.
- Rapoport M.* Bolchevique de salón. Vida de Félix J. Weil, el fundador argentino de la Escuela de Frankfurt. Buenos Aires: Debate, 2014.
- Rusia Soviética (Apuntes de un viajero), Buenos Aires, Lorenzo Rañó, 1933.
- Saitta S.* Elías Castelnuevo, entre el espanto y la ternura // Bolaños A.F., Cleary Nichols G., Sosnowski S. Literatura, política y sociedad: construcciones de sentido en la Hispanoamérica contemporánea. Homenaje a Andrés Avellaneda. Pittsburg: Universidad de Pittsburg, 2008.
- Serge V.* Vida y muerte de Trotsky. Buenos Aires: Indoamérica, 1954.
- Stepniak*, La Rusia subterránea. Buenos Aires: Américalee, 1945.
- Tarcus H.* De la Revolución al stalinismo: el leninismo y el problema del poder // Octubre Rojo. La Revolución Rusa noventa años después / Ezequiel Adamovsky, Martín Baña y Pablo Fontana (comps.). Buenos Aires: Libros del Rojas, 2008.
- Tarcus H.* Diccionario biográfico de la izquierda argentina. De los anarquistas a la “nueva izquierda”. 1870–1976. Buenos Aires: Emecé, 2007.
- Tarcus H.* Víctor Serge en la Argentina. Huellas de un marxista libertario en nuestra cultura, // El Rodaballo. Revista de política y cultura, no 10, Buenos Aires, 2000.
- Terán O.* Aníbal Ponce: ¿el marxismo sin nación? México: Pasado y Presente, 1983.

Volin, La revolución desconocida (1917–1921). Buenos Aires: Proyección, 1954.

REFERENCES

- Anweiler O.* Los soviets en Rusia. 1905-1921. Buenos Aires: Zero, 1975.
- Aricó J.* La polémica Arlt-Ghioldi. Arlt y los comunistas // La Ciudad Futura, no 3, diciembre de 1986.
- Avrich P.* Kronstadt 1921. Buenos Aires: Proyección, 1973.
- Badiou A.* El siglo. Buenos Aires: Manantial, 2006.
- Bourdieu P.* Las condiciones sociales de la circulación internacional de las ideas. // Intelectuales, política y poder. Buenos Aires: Eudeba, 1999.
- Brinton M.* Los bolcheviques y el control obrero. 1917–1921. El Estado y la contrarrevolución, [Francia], Ruedo Ibérico, 1972.
- Castelnuovo E.* Memorias. Buenos Aires: Ediciones Culturales Argentinas, 1974.
- Castelnuovo E.* Yo ví... en Rusia. Buenos Aires: Actualidad, 1932.
- Corbière E.J.* Orígenes del comunismo argentino. Buenos Aires: CEAL, 1984.
- Doeswijck A.* Los anarco-bolcheviques rioplatenses. Buenos Aires: CeDInCI editores, 2013.
- Gomilievsky L.* El amor en libertad. Buenos Aires: Victoria, s.f.
- Istrati P.* Rusia al desnudo. Madrid: Cenet, 1930.
- Jeifets L.S., Jeifets V.L.* El Partido Comunista de Argentina y la III Internacional. La Misión Williams y los orígenes del penelonismo, México: Nostromo Ediciones / Instituto de Latinoamérica (San Petersburgo), 2013.
- Kazakov V.P.* Rossiyskie rabochie organizatsii v Argentine i Komintern, 1917–1922 // Latinoamerikanskiy Istoricheskiy Almanakh. No.17. 2016. [The Russian workers organizations in Argentina and Comintern, 1917–1922].
- Laubstein I.* Bund. Historia del movimiento obrero judío. Buenos Aires: Acervo Cultural, 1998.
- Lehning A.* Marxismo y anarquismo en la Revolución Rusa. Buenos Aires: Proyección, 1974.
- Ponce A.* Humanismo burgués y humanismo proletario. De Erasmo a Romain Rolland. México: Editorial América, 1938.
- Primeros viajeros al país de los soviets. Crónicas porteñas 1920-1934. Buenos Aires: Dirección General del Libro, 2017.

- Rapoport M.* Bolchevique de salón. Vida de Félix J. Weil, el fundador argentino de la Escuela de Frankfurt. Buenos Aires: Debate, 2014.
- Rusia Soviética (Apuntes de un viajero), Buenos Aires, Lorenzo Rañó, 1933.
- Saitta S.* Elías Castelnuovo, entre el espanto y la ternura // Bolaños A.F., Cleary Nichols G., Sosnowski S. Literatura, política y sociedad: construcciones de sentido en la Hispanoamérica contemporánea. Homenaje a Andrés Avellaneda. Pittsburg: Universidad de Pittsburg, 2008.
- Serge V.* Vida y muerte de Trotsky. Buenos Aires: Indoamérica, 1954.
- Stepniak,* La Rusia subterránea. Buenos Aires: Américalee, 1945.
- Tarcus H.* De la Revolución al stalinismo: el leninismo y el problema del poder // Octubre Rojo. La Revolución Rusa noventa años después / Ezequiel Adamovsky, Martín Baña y Pablo Fontana (comps.). Buenos Aires: Libros del Rojas, 2008.
- Tarcus H.* Diccionario biográfico de la izquierda argentina. De los anarquistas a la “nueva izquierda”. 1870–1976. Buenos Aires: Emecé, 2007.
- Tarcus H.* Víctor Serge en la Argentina. Huellas de un marxista libertario en nuestra cultura, // El Rodaballo. Revista de política y cultura, no 10, Buenos Aires, 2000.
- Terán O.* Aníbal Ponce: ¿el marxismo sin nación? México: Pasado y Presente, 1983.
- Volin,* La revolución desconocida (1917–1921). Buenos Aires: Proyección, 1954.